

Keywords: *comic, politics, differentiation, mod of signification.*

References

- Bodriyyar, Z. (2016) *Zagovor iskusstva* [The plot of art]. Retrieved February 21, 2019, from <https://existencia.livejournal.com/21425.html>
- Lesh, S. (2003) *Sotsiologiya postmodernizmu* [Sociology of Postmodernism], per. z ang. Y. Oliynik, Lviv: Kalvariya, 344 s.
- Propp, V. (1999) *Problemy komizma i smeha. Ritualnyiy smeh v folklore (po povodu skazki o Nesmeyane)* [Problems of Comicism and Laughter. Ritual laughter in folklore (about the tale of Nesmeyan)]. Retrieved February 21, 2019, from https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/propp/index.php
- Ryumina M. (2010) *Estetika smeha: Smeh kak virtualnaya realnost* [Aesthetics of laughter: Laughter as virtual reality], Moskva: Librokom, 320 s.
- Lamont, M, Evenot, L. (2000) *Rethinking Comparative Cultural Sociology*, Cambrige: University Press. Retrieved February 21, 2019, from <https://pdfs.semanticscholar.org/4f20/13017c94cd14498cfb8b626f76705b530abe.pdf>

Стаття надійшла до редакції 12.03.2019.

Стаття прийнята 29.04.2019.

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.1\(31\).186347](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.1(31).186347)

УДК 111.4+111.62+124.2

Александр Ерёмко

НОВАЯ ФОРМА ДИАЛЕКТИКИ – ОКСЮМОРОННАЯ ДИАЛЕКТИКА

В статье предлагается новый диалектический метод – оксюморонная диалектика. Предлагаемый метод иллюстрируют две пары диалектических оксюморонов: неизменная изменчивость – изменяющаяся неизменность, бессмысленный смысл – осмысленная бессмысленность.

Ключевые слова: *диалектика, оксюморон, неизменность, изменчивость, смысл, бессмысленность.*

Целью нашей статьи будет изображения и анализ методологически-эвристических возможностей такой диалектической фигуры мышления как оксюморон. Наша мысль будет двигаться в русле, своего рода, «тропологии» философского познания. К настоящему времени сложилась богатая традиция применения теории тропов к способам организации философского, научного, историографического дискурсов. Это направление представлено, например, такими именами, как С. С. Гусев [Гусев 1984], Е. Д. Бляхер [Бляхер 1989], М. Вартофский [Вартофский 1988], И. Пригожин и И. Стенгерс [Пригожин, Стенгерс 1986], Х. Уайт [Уайт 2002], М. Джонсон [Johnson 1981] и др.

Следует подчеркнуть, что *оксюморонная диалектика* ни в коей мере не является *диалектикой оксюморона*. Несмотря на то, что оксюморон представляет собой тропологическую, а, следовательно, лингвистическую фигуру, наш подход не вписывается в русло лингвистического поворота в философии. Диалектика оксюморона предполагает анализ особенностей лингвистической структуры оксюморона, в частности, выяснение того, *что именно* делает оксюморон диалектическим. Такой подход вполне правомерен и плодотворен. Но он не является единственно возможным подходом при осмыслении диалектической природы оксюморона. Мы будем исследовать смысловые нюансы оксюморонных пар философских категорий и показывать диалектику перехода противоположностей в этих парах.

Оксюморон определяется в теории тропов как сочетание слов с противоположными значениями, объединение в смысловое целое двух или нескольких контрастных лексических единиц. Обычно оксюморонные конструкции строятся как сочетание прилагательного и существительного («умный дурак», «сладкая горечь» и т. п.).

К настоящему времени нами проанализированы следующие пары оксюморонных противоречий: субъективная объективность – объективная

субъективность, возможная действительность – действительная возможность, необходимая случайность – случайная необходимость, неизменная изменчивость – изменяющаяся неизменность, неразумный разум – разумное неразумие, ложная истина – истинная ложь, бесцельная цель – целевая бесцельность, бессмысленный смысл – осмысленная бессмыслица, доброе зло – злое добро, смертное бессмертие – бессмертная смерть. Ниже мы рассмотрим некоторые оксюморонные фигуры из этого списка.

Неизменная изменчивость – изменяющаяся неизменность. Неизменная изменчивость означает, что данное изменяющееся не изменяется. «Изменяться» означает «становиться другим». «Не изменяться» означает «оставаться тем же самым». В таком случае любое сущее является неизменным в своей изменчивости. Если оно изменяется настолько, что становится полностью другим, то это уже не оно. В данном случае произошло уничтожение данного нечто как крайний случай изменения. Если же оно, изменяясь, остаётся данным нечто, то значит в нём сохраняется нечто неизменное.

И. Кант говорит об изменении как соединении «противоречаще-противоположных предикатов в одном и том же объекте» [Кант 2006: 73]. Во второй аналогии опыта понятие субстанции вводится через осмысление парадоксальной сущности изменения: «...последним субъектом изменчивого служит *постоянное* как субстрат всего сменяющегося, то есть субстанция» [Кант 2006: 207]. Это также напоминает диалектику количественных и качественных изменений у Г. Гегеля. В «Малой логике» находим такую, по сути, оксюморонную формулировку: «...в количестве мы имеем такое изменчивое, которое, несмотря на своё изменение, остаётся тем же самым» [Гегель 1974: 256–257].

Итак, неизменная изменчивость – это такая изменчивость, в которой сохраняется нечто неизменное.

Но можно понимать неизменную изменчивость и в более абстрактном смысле. Изменчивость как таковая, изменчивость сама по себе неизменна. Изменчивость, рассмотренная именно как изменчивость, неизменна. Изменчивость в своей специфичности является именно изменчивостью, и в этом она неизменна.

Также здесь обнаруживается парадоксальность знаменитого высказывания, приписываемого Гераклиту: «всё течёт, всё изменяется». Если всё изменяется вчера, сегодня, завтра, изменяется постоянно, то в этой постоянности обнаруживается неизменность изменчивости. Если изменчивость осуществляется всегда, то в этом «всегда» обнаруживается неизменность изменчивости.

Прежде чем перейти к следующему оксюморону, следует различить изменяющуюся неизменность и изменчивую неизменность. Изменяющаяся неизменность означает, что некая неизменность изменяется. Изменчивая неизменность означает, что некая неизменность по сути своей является изменчивой. Изменяющаяся неизменность означает, что нечто неизменное на самом деле изменяется. Как же оно может изменяться, будучи неизменным?

Предположим, некая вещь обладает некими неизменными характеристиками. Но они возникли вместе с вещью и изменятся, если вещь претерпит качественное изменение, а если вещь исчезнет, то исчезнут и они. И эти изменения могут постепенно накапливаться, до поры до времени будучи незаметными (как в парадоксах «Куча» и «Лысый»). Тогда получается, что изменяющаяся неизменность – это как бы кажущаяся неизменность. Это неизменность, которая выглядит неизменностью при недостаточно пристальном взгляде в неё. То же самое получится в случае, если неизменность как бы меняет свой смысл. Если некое неизменное поворачивается к разным сущим различными гранями своего смысла, то, оставаясь в себе одним и тем же, оно разное по отношению к внешнеположным сущим. Оно неизменно, и в то же время изменяется.

Последний пример приводит нас к изменчивости неизменного. Изменчивая неизменность – это такая неизменность, которая на самом деле изменчива. Предлагаем называть «изменяющимся» то, изменение чего протекает во времени, а «изменчивым» – то, что изменяется по своей сути, то, что, как бы, постоянно не равно самому себе. Тогда изменение характеристик вещи будет изменяющимся, а изменение смысла чего-либо неизменного – изменчивым. Можно сказать, что в последнем случае изменения всё равно происходят во времени, и вообще никакое изменение невозможно вне времени. Верно. Но сутью изменчивости в отличие от изменяемости является не временной аспект.

Предположим, существует некая Абсолютная Истина или некий Абсолютный Смысл. И этот Абсолютный Смысл есть нечто вечное, неизменное, самоидентичное. Он есть вневременная и неизменная Полнота Смысла. Но в силу этой полноты он не может быть полностью осмыслен ни единичным человеком, ни даже всем человечеством. Поэтому всякий единичный человек осознаёт лишь грань этого Смысла. Тогда этот неизменный Смысл оказывается изменчивым в аспекте его осознания людьми. И, несмотря на то, что эти разные осознания происходят во времени, суть их не временная. То, что эта неспособность растягивается во времени, принадлежит не сущности Полноты, а сущности человека. Но тогда и сама эта изменчивость принадлежит изменяющемуся человечеству, а не

неизменному Смыслу. Сам по себе Смысл неизменен, он изменчив лишь в его восприятии людьми.

Здесь можно предположить, что изменчивость неизменного есть момент другого в данном нечто. Этот момент выражает невозможность абсолютной самотождественности. Ни одно сущее не может быть полностью тождественным самому себе. Оно неизбежно содержит в себе своё иное, и эта инаковость и есть изменчивость неизменного.

Примером изменчивости неизменного может служить также то «безразличие» количества, о котором говорит Гегель, но увиденное как бы с другой стороны. И увеличивающаяся, и уменьшающаяся величина есть величина – в этом неизменность её изменчивости. Неизменность заключается как бы в «качестве количества». Что есть количество? Оно есть именно количество, и в этом неизменность его качества. Но внутри себя как неизменного качества количество может уменьшаться и увеличиваться, и в этом изменчивость неизменного.

Неизменная изменчивость есть, всё же, неизменность. А изменчивая неизменность есть, всё же, изменчивость. Неизменная изменчивость означает, что то, что выглядит изменчивым, на самом деле неизменно. И изменчивость как таковая в своей чуждости неизменна. Изменчивая неизменность означает, что то, что выглядит неизменным, на самом деле изменчиво. Неизменность как собственная дружба изменчива.

Бессмысленный смысл – осмысленная бессмыслица. Бессмысленный смысл означает, что некий смысл является бессмысленным.

Понятие «смысл» довольно тесно связано с понятием «цель», в том числе, с энтелехимальным аспектом цели. Часто под смыслом понимают то, «для чего» нечто существует. Но это, практически, то же самое, что и цель. Впрочем, смысл смыслу рознь. Если мы спрашиваем о смысле действия, то мы, по сути, спрашиваем о его цели. Если же мы спрашиваем о смысле текста, то мы спрашиваем о сути его содержания. Смысл действия осуществляется, а смысл текста понимается.

Если мы определяем цель как то, «ради чего» существует данное нечто, то смысл, пожалуй, можно определить как то, «во имя чего» существует данное нечто. Если «ради чего» есть желаемое состояние, то «во имя чего» пусть будет разумным основанием, логосом, «оправданием» данного нечто. «Оправдать» значит «показать правду» данного нечто, то есть обосновать данное нечто с точки зрения значимых ценностей: блага, добра, справедливости и т. п.

Особенно тесно, на наш взгляд, смысл связан с энтелехией. Ведь цель в узком смысле перестаёт быть целью после того, как достигнута. Энтелехия же не обесмысливается после своей реализации, она не обязательно угасает

в продукте. Если цыплёнок – энтелехия яйца, то яйцо угасает в цыплёнке, цыплёнок вылупился, и тем самым уничтожил яйцо. Но если энтелехия глаза – видение, то глаз не перестаёт видеть, увидев нечто. Энтелехия глаза процессуальна, она есть как бы предназначение, и в ней результат не уничтожает процесс.

Так же точно и «настоящий» смысл не обесмысливается после его открытия и даже реализации. Предположим, что данный человек считает смыслом своей жизни делать добро. Но это ведь не означает, что сделал одно или тысячу добрых дел, он утрачивает смысл жизни. Напротив, чем больше добрых дел он сделает, тем в большей степени его жизнь наполнится смыслом. То есть, реализуя смысл своей жизни, он как бы «находится в смысле», и это нахождение может длиться всю оставшуюся жизнь. Таким образом, подлинный смысл энтелехиален. Но он не тождествен энтелехии. Энтелехия – это, своего рода, предназначение, смысл же не обязательно является предназначением. Смысл может пониматься как предназначение в том случае, если есть Некто Предназначающий. Если же его нет, то это не означает, что жизнь человека или бытие мира бессмысленны. Человек может сам устанавливать себе смыслы, даже конструировать их. Человек может решить, что смысл его жизни в делании добра, даже если нет ни Бога, ни посмертного воздаяния.

В конечном счёте, «обладать смыслом» означает, как бы, «быть больше самого себя», «нести в себе значимость, большую, чем ты». Обладает смыслом то сущее, которое способно «послужить» чему-то более значимому, чем оно. Смысл есть служение в высшем смысле.

Тогда бессмысленный смысл окажется чем-то вроде иллюзорного смысла. Некто думает, что осуществляет нечто весьма значимое, но на самом деле оно незначимо. Он думает, что служит чему-то высокому, но на самом деле служит ничтожному. Он думает, что нашёл оправдание своего бытия, но на самом деле оно не имеет оправдания.

Тогда бессмысленный смысл окажется вариантом заблуждения. Мы думаем, что то-то и то-то является весьма значимой, высшей ценностью, и что, осуществляя эту ценность, мы наполняем нашу жизнь смыслом и оправдываем своё существование. Но на самом деле то, что мы осуществляем, незначимо, вовсе не является ценностью, и наши труды по его осуществлению отнюдь не оправдывают наше существование.

А может ли быть так, что бессмысленность данного смысла заключается именно в его осмысленности, то есть в смысловой наполненности? Данное нечто бессмысленно именно потому, что оно обладает смыслом. Смысл данного нечто делает его бессмысленным. Такое может быть, если мы вернёмся к варианту смысла как предназначения. Может быть так, что

предназначение данного нечто враждебно и разрушительно для высших ценностей. Предположим, что человеческая жизнь является одной из высших ценностей. Тогда оружие будет бессмысленным смыслом. Смыслом оружия является убийство людей. Чем больше людей будет убито, скажем, при помощи пулемёта, тем в большей степени будет реализован смысл пулемёта. Но его смысл бессмыслен, ибо он разрушает высший смысл: человеческая жизнь – высочайшая ценность. И то же самое верно в отношении всякого другого оружия и всякого сущего, смысл которого заключается в разрушении смыслов.

Теперь посмотрим более широко: всякий смысл бессмыслен. Это может означать либо что всякий смысл иллюзорен, либо что всякий смысл бессмыслен именно потому, что он осмыслен. Если всякий смысл иллюзорен, то это означает, что на самом деле всё бессмысленно. Мы думаем, что то-то и то-то обладает смыслом. И мы осуществляем усилия по познанию и осуществлению этого смысла. Но на самом деле в мире нет ничего, что обладает смыслом. Всё в мире бессмысленно и сам мир бессмыслен. А если есть что-то за пределами мира (Бог, Царство Небесное и т. п.), то оно тоже бессмысленно. Короче говоря, «всё суета сует».

Теперь предположим, что всякий смысл бессмыслен как таковой, бессмыслен по своей сути. Именно в его осмысленности заключена его бессмысленность. «Осмысленность» здесь следует понимать не как «уразумение», «открытие смысла», а как само наличие смысла, обладание смыслом. Тогда получим: всякое нечто обладает неким предназначением, оправданием, оно несёт в себе некую значимость, большую, чем оно само, оно существует не просто так. Но в этом предназначении нет предназначения, в оправдании нет оправдания и в этой значимости нет значимости. Если всякое нечто к чему-то предназначено, то это возможно лишь в том случае, если есть Предназначающий. Но если сам Предназначающий ни для чего не предназначен, то и то, для чего он предназначает всякое сущее, оказывается как бы произвольным и несущественным, то есть, в некотором смысле бессмысленным. Предположим, что бессмысленность скрыта во всяком предназначении как таковом. Само предназначение обесмысливает, ибо ограничивает свободу, самостоятельность и самоценность того, что к чему-либо предназначено. Предназначая какое-либо сущее к чему-либо, мы тем самым как бы «оскорбляем» данное сущее. Это и будет бессмысленностью смысла в случае понимания смысла как предназначения.

Предположим, что всё то, что в данном сущем более значимо, чем оно само, на самом деле менее значимо или вообще не значимо. Это означает или иллюзорность значимости, или наибольшую значимость всякого

сущего как такового. Всякое сущее обладает наибольшей, абсолютной значимостью, вне его нет ничего, что было бы значимее его самого. Высшая значимость и высшая ценность заключаются в самом существовании всякого сущего. Когда данное сущее думает, что есть нечто более значимое, чем оно и что его смысл заключается в служении этому нечто, оно ошибается. Тогда приходим к невозможности сопоставления разных сущих в аспекте их значимости. Если каждое данное сущее абсолютно значимо, то мы получаем мир абсолютных, несопоставимых и неподчиняемых друг другу индивидуальностей. Это мир, в котором невозможно никакое служение, служение теряет смысл именно в силу того, что оно служение. Такой мир и будет миром бессмысленного смысла. И в таком мире также невозможно никакое оправдание. Всякое сущее, так сказать, оправдывает само себя. Для него невозможна апелляция к каким-либо высшим ценностям, большим, чем оно значимостям, ибо таковых не существует. Единственным оправданием всякого сущего окажется тривиальный факт его существования.

Следующий оксюморон нуждается в некотором уточнении. Если мы говорим «осмысленная бессмыслица», то это можно понять очень просто: мы осмыслили некую бессмыслицу. То есть, мы выяснили, что это действительно является бессмысленным. Мы поняли, что данный текст, например, бессмыслен и тем самым, так сказать, «разгадали», «разоблачили» его. Это и будет означать осмысленную бессмыслицу. Но такое понимание тривиально и ставит точку на дальнейших рассуждениях.

Гораздо интереснее, если «осмысленное» в данном контексте понимать не как «понятое», а как «обладающее смыслом». Тогда лучше говорить не об осмысленной бессмыслице, а о смысловой бессмысленности. «Бессмыслица» – это какое-либо высказывание, не обладающее смыслом, а «бессмысленность» – это не обязательно высказывание, это может быть действие, вещь, существо и т. п. То есть, понятие бессмыслицы приложимо лишь к семиотическим объектам, а бессмысленности – к семиотическим, и к онтологическим объектам.

Смысловая бессмысленность означает, что некая бессмысленность обладает смыслом. Данное нечто бессмысленно, но оно скрывает в себе смысл, в его бессмысленности есть смысл. Данное нечто ни для чего не предназначено, но в этом заключается его предназначение. Нет ничего, во имя чего оно существует, его существование ничем не оправданно, но в этом заключается его оправдание. Данное нечто ничему не служит, но в этом и заключается его служение. Оно не воплощает ничего, что значимо больше него, но именно в этом его высокая значимость.

Если предназначение данного нечто в том, чтобы не иметь

предназначения, это означает, что не всё в этом мире должно иметь предназначение. Должны быть вещи, которые ни для чего не предназначены, которые существуют просто так, и в этом смысл их бессмысленности. Но тогда это просто неявный, скрытый смысл, точно так же, как в данном случае имеем как бы скрытое предназначение. И точно так же получится с «во имя чего» и с оправданием. Предположим, что нет ничего, во имя чего существует данное нечто, и в этом-то и заключается его смысл. Тогда оно существует во имя того, чтобы не существовать во имя чего-либо. Но тогда в его «ни во имя чего» скрывается «во имя чего». Можно сказать, что оно существует во имя того, чтобы быть бессмысленным.

Здесь можно добавить следующее. Предположим, некто видит смысл своего существования в том, чтобы не иметь никакого оправдания своему существованию. Это значит, что он настаивает на своей самостоятельности и самодостаточности. Он не хочет быть никому обязан. И он хочет быть абсолютно ответственным человеком, наподобие ницшевского сверхчеловека. Он не хочет прибегать ни к каким ценностям для оправдания своих действий. Он считает, что вне его нет таких ценностей, на которые он мог бы сослаться. Тем самым он должен самого себя объявить высшей ценностью.

Но если понять смысловую бессмысленность более широко: всякая бессмысленность является смысловой. Нет ничего, во имя чего существовало бы что-либо, и в этом смысл. Ни для какого сущего нет никакого оправдания, и в этом оправдание всякого сущего. Ни одно сущее не может воплощать значимость, большую, чем оно само, и именно в этом оно больше себя самого. Это значит, что всякое сущее самодостаточно, самоценно, свободно, абсолютно ответственно и абсолютно значимо. Ничто не может быть чьим-либо слугой и чьим-либо адвокатом. Всякое сущее есть господин самого себя, всякое сущее полностью отвечает за себя, но лишь за самого себя. Это мир абсолютной значимости и абсолютной ответственности. И, подобно миру бессмысленного смысла, это мир несопоставимости.

Если существует Бог, то обладает ли он смыслом или он бессмыслен? Или его смысл бессмыслен? Или его бессмысленность обладает смыслом?

Если Бог обладает смыслом, то должно быть нечто, во имя чего он существует, нечто, для чего он предназначен, чему он служит, нечто, что более значимо, чем он и что оправдывает его существование. Должна быть энтелехия самого Господа Бога. Что же это такое и может ли такое быть? Можно ли сказать, что Бог предназначен для спасения человека, что он служит миру и человеку и что он воплощает некую ценность, более значимую, чем он сам? Можно ли сказать, что Бог нуждается в оправдании

своего существования? Такая точка зрения будет напоминать гностицизм, но для существующих монотеистических религий она окажется еретической.

Если же предположить, что Бог не обладает смыслом, тогда, в конечном счёте, всё обесмысливается.

Если же смысл Бога бессмыслен, то это означает, что то, во имя чего существует Бог, бессмысленно. И то значимое, что он выражает, на самом деле незначимо. Но это ещё хуже, чем простая бессмысленность. Бог осуществляет некий чрезвычайно важный смысл, он задаёт этот смысл человеку, учит его понимать этот смысл, привлекает его как соратника к осуществлению этого смысла. Но на самом деле всё это бессмысленно. Тогда сам Бог «не ведаёт, что творит». Тогда он оказывается либо недалёким существом, находящимся в сетях самообмана, либо мировым тираном. Снова получаем гностическое мировоззрение. Пожалуй, получаем ещё более мрачный вариант, чем в классическом гностицизме, ибо мы должны отвергнуть Софию и прочие Высшие Светлые Сущности и признать Демиурга единственным богом.

Теперь предположим, что бессмысленное Бога обладает смыслом. По сути, это сводится к варианту сокрытого смысла и к наполненности Бога смыслом. Здесь получается абсолютная смысловая наполненность бытия и иллюзорность всякой бессмысленности. Человеку может казаться, что это или то бессмысленно. Но на самом деле, для Бога оно наполнено смыслом. Если человек не видит в этом смысла, то Бог видит его. Поэтому всякое бессмысленное лишь кажется таковым.

Бессмысленный смысл есть, всё же, бессмысленность. Кажется, что это обладает смыслом, но на самом деле оно бессмысленно. Кажется, что его существование оправданно, но на самом деле оно не имеет оправдания. Смысловая бессмысленность есть, всё же, смысл. Кажется, что это бессмысленность, но на самом деле оно обладает смыслом. Кажется, что его существование не имеет оправдания, но на самом деле оно в высшей степени оправданно.

Разумеется, мы проанализировали далеко не все философские оксюмороны и далеко не так детально, как они того заслуживают. Куда ни бросим мы интеллектуальный взор, везде можем разглядеть парадоксальные очертания философских оксюморонов: бытийное небытие – небытийное бытие, неразумный разум – разумное неразумие, глупая мудрость – мудрая глупость, доброе зло – злое добро, безобразная красота – красивое безобразие, и т. д., и т. п. Частично такая работа выполнена нами, частично же ожидает своего выполнения.

На наш взгляд, конструирование и рассмотрение философских оксюморонов является весьма многообещающим направлением

диалектического мышления: в оксюмороне с наибольшей наглядностью можно показать парадоксальную природу *взаимопроникновения* противоположностей.

Список использованной литературы

- Бляхер, Е. Д. (1989) *Научная метафора: к методологии исследования и трансляции знания*, в: *Философские науки*, Москва, № 2, 29–38.
- Варгофский, М. (1988) *Модели. Репрезентация и научное понимание*; пер. с англ., общ. ред. и послесл. И. Б. Новика и В. Н. Садовского, Москва: Прогресс, 507 с.
- Гегель, Г. В. Ф. (1974) *Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики*, Москва: Мысль, 452 с.
- Гусев, С. С. (1984) *Наука и метафора*, Ленинград: Изд-во ЛГУ, 152 с.
- Кант, И. (2006) *Критика чистого разума*; пер. с нем. Н. Лосского, Москва: Эксмо, 736 с.
- Пригожин, И., Стенгерс, И. (1986) *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*; пер. с англ., общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова, Москва: Прогресс, 432 с.
- Уайт, Х. (2002) *Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века*; пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой, Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 528 с.
- Johnson, M. (1981) *Philosophical Perspectives on Metaphor*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 370 p.

Олександр Єременко

НОВА ФОРМА ДІАЛЕКТИКИ–ОКСЮМОРОННА ДІАЛЕКТИКА

У статті пропонується новий діалектичний метод – оксюморонна діалектика. Пропонований метод ілюструють дві пари діалектичних оксюморонів: незмінна мінливість – мінлива незмінність, безглуздий сенс осмислена безглуздість.

Ключові слова: діалектика, оксюморон, незмінність, мінливість, сенс, безглуздість.

Oleksandr Yeremenko

NEW FORM OF DIALECTICS–OXYUMORONIC DIALECTICS

The article proposes a new dialectic method – the oxymoronic dialectic. The proposed method is illustrated by two pairs of dialectic oxymorons: invariable variability - changing immutability, meaningless meaning – meaningful meaninglessness. On the one hand, invariable variability is such variability in which the net remains unchanged. On the other hand, variability. Considered

exactly as the variability unchanged. The variability of the unchanging is the moment of the other in this something. This moment expresses the impossibility of absolute self-identity. Meaning can be understood as a goal, as entelechy, as a destination. Then meaningless meaning turns out to be a variant of delusion. In any predestination, one can find hidden meaninglessness, since the predestination limits the autonomy and intrinsic value of the entity that is destined for something. If we assume that there should be things in the world that are not intended for anything, then this will be the meaning of their meaninglessness.

Keywords: *dialectic, oxymoron, immutability, variability, meaning, meaninglessness.*

References

- Blyaher, E. D. (1989) *Nauchnaya metafora: k metodologii issledovaniya i translyatsyi znaniya* [Scientific metaphor: to the methodology of research and knowledge translation], in: *Philosophskie nauki*, Moskva, № 2, pp. 29–38.
- Vartofsky, M. (1988) *Modeli. Rerezentatsya i nauchnoe ponimanye* [Models. Representation and scientific understanding]; per. s angl., obsth. red. i poslesl. I. B. Novika i V. N. Sadovskogo, Moskva, Progress, 507 p.
- Hegel, G. V. F. (1974) *Entsyklopedya phylosophskiyh nauk. T. 1. Nauka logiki* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. T. 1. Science of Logic], Moskva, Mysl, 452 p.
- Gusev, S. S. (1984) *Nauka i metafora* [Science and Metaphor], Leningrad: Izd-vo LGU, 152 s.
- Kant, E. (2006) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]; per. s nem. N. Losskogo. Moskva, Exmo, 736 p.
- Prigojyn, I., Stengers, I. (1986) *Poryadok iz chaosa: Novyi dialog cheloveka s pryrodoy* [Order out of chaos: A new dialogue between man and nature]; per. s angl., obsth. red. V. I. Arshynova, Y. L. Klimontovicha i Y. V. Sachkova. Moskva, Progress, 432 p.
- Uayt, H. (2002) *Metahystoria: hystoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: Historical Imagination in Europe of the XIXth Century]; per. s angl pod red. E. G. Trubinoi i V. V. Charytonova. Yekaternyburg: Izd-vo Uralskogo un-ta, 528 p.
- Johnson, M. (1981) *Philosophical Perspectives on Metaphor*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 370 p.

Стаття надійшла до редакції 17.03.2019.

Стаття прийнята 23.04.2019